

Ранним утром следующего дня Цзян Умянь велел расклеить по всему уезду указы: пришло время созывать первое ополчение. На службу призывали по одному взрослому мужчине от каждого двора.

Условия службы и подробности предстоящих тренировок судья расписал прямо в объявлении. Ознакомившись с обещанным довольствием, проходивший мимо директор Сюй недовольно поморщился — от зависти у него даже задергалось веко. Ему до смерти захотелось потребовать от Цзян Умяня, чтобы и в государственной школе учеников кормили так же сытно.

Свободные места разлетелись вмиг. Одних прельстило трехразовое питание, другие же, пережив недавнюю смуту, рассудили здраво: предложенный судьей порядок — самый разумный.

В страду крестьяне гнули спины на полях, в межсезонье — проходили воинскую подготовку, а в свободные дни вольны были наниматься на подработку, чтобы принести в дом лишнюю монету.

К тренировкам привлекли и уездных слуг. В сущности, от простых пахарей они отличались лишь казенным платьем; без настоящей выучки, полагаясь на одну лишь слепую силу, эти люди в случае беды не смогли бы защитить ни себя, ни уезд.

На первых порах учения давались нелегко, хотя начинали с малого: после разминки и разогрева мышц ополченцев выводили на утренний бег. Сделав полукруг по краю уезда вдоль казенного тракта, они возвращались, чтобы перенять ратное искусство у суровых военных наставников.

Понаблюдав за этим зрелищем, директор Сюй Чэн без лишних разговоров выгнал на плац тех школяров, которые готовились к сдаче государственных экзаменов. На недоуменные расспросы наставник лишь веско бросал, что экзаменационные залы — суровое испытание, где из-за духоты и истощения кандидаты падали в обморок десятками. И если для успеха на экзаменах превыше всего ценился острый ум, то крепкое здоровье стояло сразу за ним.

С легкой руки уездного судьи в Шаоюане прижилась привычка разминаться по утрам. Те же, кому сдавать экзамены не требовалось, ограничивались лишь простой зарядкой, не утруждая себя бегом — драгоценные минуты они предпочитали тратить на учебу. Грамота давалась тяжело, и сейчас им было важнее выучить лишний иероглиф, а размять кости они успеют и позже.

Инструкторы, присланные генералом Сюэ Вэнем, пощады не знали. Приходя на службу, уездные слуги то и дело замечали у дверей шести палат пристыженных парней с синяками и ссадинами на лицах. Цзян Умянь лишь молча одобрял это рвение: без тяжелых побоев доброго воина не вырастишь. Пусть они не станут великими полководцами, но хотя бы сумеют постоять за себя в лихую минуту.

Жизнь в Шаоюане текла мирно. Серьезных преступлений не случалось, а повседневные тяжбы сводились к соседским дразгвам и мелким кражам. Разобраться в них, докопаться до сути и

вынести приговор по закону не составляло труда, а потому и требования к стражникам уездный судья предъявлял щадящие.

С наступлением четвертого месяца Цзян Умянь отправился объезжать свои владения. Первым делом он решил проверить, как прижилось его последнее новшество — глиняные трубы для стоков.

В загородном поместье его уже ждали советник Линь и даос Цзинь Бухуань. На заднем дворе царил форменный разор: у забора высилась куча свежевырытой земли, в противоположном углу сиротливо ютился каменный каток, когда-то служивший для выжимания тростникового сока, а рядом лениво жевал сухую траву привязанный вол.

Подойдя ближе, судья встретился взглядом с советником Линем и перепачканным даосом. Заметив гостя, Линь Шаочи неуверенно спросил:

— Господин уездный судья, неужто получилось?

Перед ними тянулся неглубокий ров. Внутри него красовался аккуратный, выложенный кирпичом желоб, обмазанный известью, в котором покоилась глиняная труба. К ней под прямым углом примыкал вертикальный отвод, выходящий наружу.

Цзян Умянь присел на корточки и внимательно ощупал стык двух колен. Швы были намертво заделаны цементом, и, к его глубокому удовлетворению, ни одна капля влаги не просочилась наружу.

— Систему можно пускать в дело, — заключил судья, поднимаясь и отряхивая пыль с ладоней.
— Пора открывать мастерскую по обжигу керамики.

Услышав это, Цзинь Бухуань чуть не разрыдался от счастья. Наконец-то он сможет выспаться!

Последние месяцы судья и советник гоняли его нещадно, заставляя сутками следить за пламенем в печах. Да будь он хоть трижды отлит из бронзы — и то бы сломался под таким гнетом!

Цзян Умянь негромко кашлянул, скрывая неловкость:

— Завтра пришлю тебе наградные.

При упоминании денег даос мгновенно преобразился. Усталость как рукой сняло, а глаза алчно заблестели.

— Господин судья! Может, еще какую службу сослужить вашему превосходительству? Бедный

даос готов радеть на благо уезда не жалея сил!

"Подумаешь, поработать под началом господина Цзяна! Да ради такого жалованья я готов сутками не отходить от горнила!"

Цзян Умянь лишь мысленно усмехнулся. Боясь, как бы его ценнейший алхимик-испытатель не испустил дух от чрезмерного усердия, он велел слуге немедленно увести даоса умываться и отдыхать. Сам же, прихватив советника Линя, поспешил обратно в управу.

Обжиг глины и производство керамики должны были стать одним из столпов будущего морского каравана.

Торговля за морем сулила баснословные барыши, а самыми ходовыми товарами там испокон веков считались пряности, шелк, фарфор, чай, соль и вино.

Но вину требовались годы на выдержку, продажа соли строго контролировалась казной и вывозу не подлежала, а сбор чайного листа и производство шелка — процессы долгие и кропотливые. Выходило, что быстрее и проще всего пустить в оборот именно керамику.

Разумеется, и риск побить хрупкий товар в пути оставался велик, но выгода перевешивала любые опасения.

Впрочем, до выхода в открытый океан оставалось еще много времени: не построена пристань, нет надежных кораблей, не обучены матросы... Сперва следовало запастись товаром.

Размышляя о сохранности секретов производства, Цзян Умянь с грустной улыбкой вспомнил прошлую жизнь, где достаточно было подписать соглашение о неразглашении. Теперь ему стало предельно ясно, почему в древности так дорожили кабальными договорами. И все же сам он презирал торговлю живым товаром и не собирался опускаться до покупки чужих жизней.

Но это подтолкнуло его к иной мысли: раз уж привычные юридические обязательства здесь не действуют, можно составить строгий, но вполне человеческий договор — ученический контракт.

В Великой Чжоу ремесленные тайны берегли пуще глаза. Чтобы перенять чужое мастерство, требовалось преподнести учителю щедрые дары и совершить обряд поклонения. Эти узы связывали наставника и подмастерье крепче любых законов.

Мастер брал на себя заботу о юноше и передавал ему свои знания, а тот после завершения учебы был обязан отработать на покровителя несколько лет, прежде чем получал право открыть собственное дело и принимать заказы.

Если же отношения складывались доверительные, повзрослевший ученик со временем становился названным сыном: ухаживал за престарелым учителем и устраивал ему достойные

похороны.

По возвращении в управу Цзян Умянь вызвал к себе советника Чжана.

— Подготовь указ о новом наборе людей, Цзыфэн.

Чжан Жун, заваленный бумажной работой по горло, сообразил не сразу:

— Но ведь в бумажную мастерскую только-только набрали работников? Неужели опять нужны люди? В селении и так яблоку негде упасть!

Судья устало прижал ладонь к лицу, давая помощнику перевести дух, и лишь затем пояснил:

— Дело не в бумаге. Нам нужны ученики для работы у гончарных печей.

— Подмастерья? — Чжан Жун на мгновение задумался, прикидывая уездные обычаи. — Будем нанимать их на обычных условиях, господин уездный судья?

Цзян Умянь качнул головой:

— Изготовление хорошей посуды требует сноровки и терпения. Отбери ребят расторопных, аккуратных и смысленых. Первые три года они проведут в учениках — жилье и пропитание им обеспечит управа. Зато по окончании обучения они обязуются отработать на благо уезда шесть лет, без права наниматься к сторонним купцам.

— Все шесть лет уезд будет исправно выплачивать им жалованье. По истечении этого срока они вольны идти на все четыре стороны.

Судья выделил эти пункты особо, велел советнику составить текст указа строго по форме.

Чжан Жун за время службы у нового начальника успел усвоить золотое правило: людей с улицы брать нельзя. Сперва кандидаты должны пройти отбор, и лишь затем лучшие из них будут допущены к делу.

Бегло просмотрев наброски советника и не найдя изъянов, Цзян Умянь отправился инспектировать посадки шелковицы и следить за разведением гусениц.

Как главе уезда, ему вменялось в обязанность самолично поощрять земледелие и шелководство. К началу четвертого лунного месяца гусеницы шелкопряда в Шаоюане уже закончили завивку коконов.

Местные называли это время порой «восхождения на холмы». На самом деле шелководные соломенные колосья — это простые приспособления, на которых гусеницы плетут свои шелковые домики.

В каждой семье, промышлявшей шелководством, из соломы, веток или бамбука мастерили особые островерхие вязанки. С виду они напоминали миниатюрные горные хребты, за что и получили звучное прозвище — «шелковые горы».

Гусениц пересаживали на эти соломенные колосья, чтобы предохранить нежную нить от загрязнения. Только так можно было получить безупречно белый, прочный шелк, не поддающийся гниению.

Судья направился напрямик в горные укрепления. В искусстве разведения гусениц здешним горцам не было равных.

Завидев чиновника издалека, старейшина Кан расплылся в радушной улыбке и поспешил навстречу.

Каждый визит уездного судьи приносил селянам новые промыслы или отменные удобрения. На фоне прежнего корыстолюбивого мздоимца новый правитель казался святым, так что любой встречный горец норовил всучить ему пучок свежей зелени, охапку сахарного тростника или кувшин соленых личи.

— Господин уездный судья! — поклонился старейшина. — Какими судьбами? Решили взглянуть, как поживает наша Бумажная мастерская Двух Селений?

Цзян Умянь вежливо отказался:

— Нет, почтенный Кан. В прошлый раз я заметил, что ваши люди разводят шелкопряда. Не позволите ли взглянуть, как продвигается дело?

Старейшина довольно хмыкнул и с гордостью хлопнул себя по груди:

— О, от вашего взора ничто не укроется! Мы испокон веков держим гусениц и сами мотаем шелк. Коли господин судья не побрезгует зайти в мою скромную лачугу, я покажу, как все устроилось.

Едва переступив порог, Цзян Умянь замер. Все жилое пространство занимали «шелковые горы», усыпанные мириадами белоснежных коконов, похожих на личинки в разворошенном осином гнезде. Коконы белели повсюду: на соломенных подставках, на земляном полу, по углам, на потолочных балках и деревянных лавках.

Обладая от природы острым зрением, судья мысленно проклял эту особенность. Даже не

страда боязнью мелких скоплений, при виде копошащейся белой массы он почувствовал, как к горлу подкатывает дурнота.

С трудом подавив подступившую тошноту, Цзян Умянь отвел взгляд к полу и глухо спросил:

— Скажите, почтенный Кан, вы сами тчете парчу или продаете шелк-сырец заезжим купцам?

Гусениц у старейшины было великое множество; во всем дворе осталась лишь узкая тропка шириной в два локтя, зажатая между соломенными стеллажами. Оглядевшись, Цзян Умянь не заметил ни намека на громоздкие ткацкие станки.

— Сами видите, господин судья, — сокрушенно вздохнул старейшина. — Коконов уродилось столько, что мотать нить едва успеваем всем домом. По ночам же жечь масло накладно, вот и приходится поскорее сбывать сырец за бесценок. Разве что малую толику оставляем себе на пряжу, чтобы к осени соткать полотно да продать северным караванщикам.

Цзян Умянь ненадолго задумался, а затем задал неожиданный вопрос:

— Осмелюсь спросить, почтенный Кан, нить вы сучите сырой или вареной?

Эти слова заставили старейшину вздрогнуть. На его лице промелькнуло явное замешательство.

Все в округе знали, что новый уездный судья прибыл из далеких северных краев. Пропать между севером и югом исчислялась тысячами ли, у каждого края были свои обычаи, и чужаку, тем паче изнеженному столичному ученому-чиновнику, прижиться на диком юге было невероятно трудно.

Такие благородные господа, по мнению горцев, в лучшем случае смыслили в том, какая из местных трав съедобна, а какая ядовита. Но чтобы столь тонко разбираться в ремесле?

Прежний уездный судья в эти дела и вовсе не совал нос. Да что там чиновники — даже купцы, годами скупавшие у них шелк, порой не ведали разницы между сырой суровой нитью и вываренным мягким шелком-сырцом!

"А ведь для жителей селения это заветная тайна, позволявшая обрабатывать волокно с наименьшими потерями. Тайну эту оберегали свято. Неужто кто-то из болтливых соплеменников проговорился на уездном базаре и слухи дошли до ушей господина Цзяна?"

Кан Чжайчжу невольно нахмурился, но тут же взял себя в руки, вспомнив, что перед ним стоит человек проницательный и проворный на ум.

Цзян Умянь, сделав вид, что не заметил чужого замешательства, спокойно продолжил:

— Нить вытягиваете вручную? Неужто не пользуетесь мотальными станками?

Поняв, что расспросы о секретах прекратились, старейшина облегченно перевел дух и закивал:

— Что вы, господин судья, станки у нас водятся. Только мало их, приходится делить на все селение. Моя очередь как раз подойдет через пару дней.

Шелководством кормились многие семьи в горах, и одного деревянного станка едва хватало на два-три двора. Кан Чжайчжу повел судью показать устройство — в нем не было ничего секретного, такие нехитрые приспособления собирал любой плотник на юге.

Очистка коконов и ручная вытяжка нити отнимали прорву сил. Станок отчасти облегчал этот каторжный труд, но все же работа продвигалась медленно — львиную долю операций приходилось выполнять вручную.

Цзян Умянь прекрасно знал весь путь превращения гусеничного кокона в драгоценную нить. Сперва коконы бережно сортировали, очищали от верхнего спутанного слоя шелковины, а затем томили в чанах с горячей водой, то и дело подливая студеной влаги, дабы прогреть их равномерно и не повредить нежную структуру волокна.

И это были лишь подготовительные труды. Секрет крылся в воде: она должна была отличаться кристальной чистотой. Впрочем, простые крестьяне редко предавались излишним изыскам — брали обычную речную воду, лишь бы на вид была прозрачной.

Только после этого наступал черед мотального станка. В Великой Чжоу использовали неуклюжие ручные механизмы: рабочий вращал рукоять, а нити, перекрещиваясь, ровными слоями ложились на катушку.

Глядя на грубую, неповоротливую деревянную конструкцию, Цзян Умянь надолго задумался. В памяти всплывала вершина доиндустриального шелкопрядения — педальный шелкомотальный станок, освобождавший руки мастера для более тонкой работы. Вернувшись в управу, судья без сил опустился в кресло, безуспешно пытаясь вспомнить чертеж этого хитроумного устройства.

"Как же, черт возьми, располагались его педали и передаточный вал?"

<http://bllate.org/book/19045/2005026>